

18+

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

рассказы

ФИО:

Владимир Руалковский

Окуни холодного копчения

УРМАНСК

ЛЕНИН

Владимир Фиалковский

Окуни холодного копчения

«Издательские решения»

Фиалковский В.

Окуни холодного копчения / В. Фиалковский — «Издательские решения»,

В сборник сатирических рассказов вошли пять историй, в которых есть всё. Патологическая жадность на уровне распада личности в «Сирожиной свадьбе»; незамутненная глупость против профессионализма двух коллег в «Окунях холодного копчения»; женское коварство и трагический конец в «Скидке посмертно», хроническое невезение в «Утре прапорщицкой казни» и гипертрофированные пакости из чувства справедливости в «Противостоянии». Смех сквозь слезы автором гарантирован.

© Фиалковский В.

© Издательские решения

Содержание

ПРОТИВОСТОЯНИЕ	6
СИРОЖИНА СВАДЬБА	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Окуни холодного копчения

Владимир Фиалковский

Дизайнер обложки Юлия Александровна Бендюк

© Владимир Фиалковский, 2026

© Юлия Александровна Бендюк, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2461-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

*...теперь мы сидим перед гусем, чувствуем,
что живем, и так близки, что говорить
об этом нет нужды.*

Эрих Мария Ремарк

«На западном фронте без перемен»

— Когда же это кончится?! Превратили парадную в помойку! Ничего не бояться, скоты! ЧеКа на них нет! — услышал я стенания, поднимаясь по лестнице на родной пятый этаж: лифт, как обычно, заклинило где-то между седьмым и восьмым — точка невозврата и непечатных ругательств для попадавших в металлические клешни подлой коробки жильцов.

На четвертом я увидел знакомую бабульку, у которой уже лет пятнадцать стеснялся спросить имя. Она, как Везувий, яростно извергалась проклятиями перед притороченным к стене унитазом благородного шафранового цвета, выдавшим, как и бабушка, если не Кирова, то Жданова наверняка. Вокруг фаянсового чуда прошлого столетия блестела лужа. Выглядело, и правда, мерзко. Бабка, недовольно бормоча, уползла в свою берлогу, а я остался возле улики, пытаюсь по косвенным признакам вычислить виновника.

Подъезд нередко превращался в филиал свалки, но обычно ненужное старье спускали на площадку первого этажа, прикладывая поясняющую депешу с синими каракулями. Многие считали, что бесценная рухлядь достойна второй жизни в квартирах соседей, и жалко выбрасывать шкафы с выдранными глазницами дверей, грустные телевизоры с помутневшими лупами кинескопов, ржавые газовые колонки с прожженными теплообменниками, пожелтевшие холодильники с вековыми льдами в морозильных камерах, в которых разве что белые медведи не обитали. Однажды выставили неподъемную стиральную машину размером с трактор. Прежде не слышал столько ярких тюркских слов от пыхтящих дворников, выволакивавших на улицу чудо инженерной мысли, немецкой, судя по надписи на корпусе. На первом же пит-стопе машина застряла в дверном проеме и намертво заблокировала выход из подъезда. Кувалды, зубила, ножовки и час времени победили неповоротливого монстра. Двери тоже разворотили, но через пару дней подлатали, вылили на нее пару ведер нитрокрашки, и с тех пор она считалась новой. Всякое пережил наш подъезд, но бывшие в употреблении унитазы еще не унижали его достоинство.

До нового года оставались считанные дни. Вымазанный черным декабрьским дегтем Петербург погрузился в безнадежные ливни. Европейская зима раздражала, от бесконечных ветров слезились глаза, накатывала тошнота. Теперь еще предстояло лицезреть использованное отхожее место рядом с жилищем. Но почему? Разве мы это заслужили? Какой негодяй нашел силы сменить устройство, но не посчитал нужным выбросить старое?

Крыло вмещало три квартиры. Бабка перед уходом предположила, что вонючего уroda вытащили из левой: она мельком видела, как давеча туда заносили большую коробку с возможным преемником. Собравшись с духом, я вдвинул ступу в коридор, и теперь она частично перекрывала проход, побуждая к определенным действиям. Унитаз, как сторбленный одинокий старик, своим видом излучал скорбь, от чего я на секунду испытал жалость.

— Ты наивно полагаешь, что в силах изменить сознание этих людей робким намеком? — усмехнулась жена, выслушав мою историю. — Вытравить из голов помойные мысли сможет только гильотина!

— Откуда они берутся? Из каких шалашей прибегают в большой город?! — кипятился я, без аппетита ковыряя жаркое. — Ладно, ты из интеллигентной семьи, но я из рабочих, и то прекрасно понимаю, что в своем доме гадят только свиньи!

На следующий день унитаз гордо занимал прежнее место возле лестницы. Высохшая лужа опоясывала списанного на покой труженика ржавым нимбом. Снедаемый ненавистью, я подтащил агрегат вплотную к двери потенциального преступника. Я был уверен, что мое предупреждение не останется без внимания, и товарищ догадается утилизировать свой мусор.

В скверном настроении я принялся ужинать, но жена решила окончательно меня добить: Надя, ведущий бухгалтер из ее компании, решила уволиться после новогодних праздников. Услышав знакомое до сладких судорог имя, я вздрогнул, только вилка взвизгнула, проехавшись по тарелке. Стараясь не выдать волнение, с деланным равнодушием справился о причине. «Купили квартиру на Комендантском, долго и неудобно будет добираться», — супруга уничтожила меня окончательно.

С милой Наденькой меня связывали давние, отнюдь не приятельские отношения. В свои тридцать восемь ее наивный, почти детский, взор заставлял страдать и мучиться окружающих мужчин. Мне повезло познать ее. Как-то раз мы с женой случайно встретили Наденьку с супругом в кинотеатре, уселись рядом. Во время сеанса ее рука неожиданно скользнула в мою. Моя плоть воспряла против воли. С тех пор наши с Наденькой тропинки раз в пару месяцев сходились в квартире на Московском проспекте, в те счастливые моменты, когда моя жена была в командировке, а сын прозябал в школе.

Угасающий год оказался щедр на недобрые знамения. В апреле, в день рождения Наденьки, мы застряли в лифте. Вместо чая с эклерами и чувственным десертом пришлось смаковать в кабине размером полтора на полтора метра коктейль из абсурда и страха. Телефоны в рабочий полдень не умолкали. Повезло, что никто из знакомых по подъезду не увидел нашего высвобождения из механизированной коробки, а муж Наденьки, чрезвычайно ревнивый хлыщ, забыл проведать любимую в обеденный перерыв назойливыми звонками. Ему везде мерещились измены (хотя, кроме меня, поводов не было), и он требовал от Наденьки фотоотчеты: из кафе, из библиотеки, из магазинов, отовсюду. Моя же благоверная являлась полной противоположностью и всегда предупреждала о перемещениях звонком или сообщением. Возможно, она где-то прочитала, что подобная практика помогает избегать множества неловких ситуаций, проливаясь благодатным дождем на корни семейного взаимоуважения. Но однажды система дала сбой.

В жаркий июньский день, когда мы с Наденькой лежали, утомленные любовными переживаниями, раздался выстрел. Вернее, звонок в домофон. Как в дурном анекдоте, из-за севшей батареи телефона супруга не смогла известить о внезапном возвращении из командировки. Ужас парализовал меня. Неизбежность трагедии на миг лишила способности думать. Решения разбежались по норам как мыши от кота. Из хаоса мыслей выжила только одна идея: спрятать тело Наденьки в шкаф, а потом по частям, в чемодане вынести ее из дома. Но видимо боги в тот день были на моей стороне, и я разродился феноменальным планом. Пока жена поднималась на лифте, я выволок голую и обиженную Наденьку на площадку между пятым и шестым. Едва успел я нырнуть обратно в квартиру, как раздался звонок в дверь. В тот раз я выжил. Наденька тоже уцелела. С тех пор мы виделись лишь однажды, но теперь мои надежды на встречи улетучились вместе с чудовищной новостью о переезде на север города, где, как утверждали петербургские идиоты, воздух чище, и я понял, почему. Южная часть без Наденьки превращалась в безвоздушное пространство.

Вечером я встречался с лучшим другом, Женькой Вешетовым, и, сквозь декабрьский ледяной дождь, направился в бельгийский бар, возле Парка Победы. На втором этаже брас-серии я заметил знакомую большую голову. С Женькой нас давным-давно связала навсегда непростая школьная жизнь. В первом классе я дружил с вихрастым хулиганом, Вовкой Богдановым, и мы держали в страхе сверстников с помощью Вовкиных кулаков. Крепко доставалось от нас и Женьке, до тех пор, пока за одно лето в Крыму у деда он не вымахал под метр девяносто. Нас это не смутило. По привычке, на перемене, мы принялись было за Женьку, но тот

чудесным образом схватил нас за шкурки, и я, сквозь искры и боль, несколько раз испытал братское приближение выпученных глаз Вовки. После экзекуции мы долго терли в школьном сортире окровавленные лица. В тот памятный день закончилась эра нашего с Вовкой террора и наступила эпоха дружбы с Женькой.

Чего мы только не вытворяли в школе. Апофеозом стала водная война в выпускном классе, инициатором которой довелось стать мне. В выходной день, под видом самостоятельных дополнительных занятий в компьютерном классе, мы собрались на третьем этаже и разбились на две банды. Школа была в нашем распоряжении, и даже мирно спящий сторож в библиотеке, внизу, не мог нам помешать: взятка в виде бутылки водки с шикарной закуской возымела предсказуемый эффект. Вооружившись водяными пистолетами и бутылками с водой, мы с воплями носились друг за другом, периодически пополняя боеприпасы из кранов. Женька сражался на стороне противников. В начале баталии ему приспичило, и я заметил, как он скрылся в школьном туалете. Недолго думая, легким движением щеколды я устранил главного неприятеля. Аки раненый барс рвался Женька из сортира, но крепкие оковы не поддавались. Его соратники не могли вызволить товарища: потоки воды пресекали атаки на корню, и супостаты каждый раз позорно отступали.

К концу битвы мы выдохлись, и кому-то из соперников удалось все-таки вызволить бравого воина из заточения. Страшен был Женька в гневе. Отбросив к черту водяной пистолет, он схватил цинковое ведро, вывалил мусор на пол, наполнил его до краев водой и с гиканьем ринулся в бой. Он мастерски отлавливал нас по одному в коридоре и на лестнице, и с яростью выливал десять литров на голову несчастного. Медвежья фигура мелькала тут и там. Стенело. Стихия разбушевалась не на шутку, а моя команда проигрывала. Вода поглотила паркетные полы и по ступенькам добралась до первого этажа, откуда уже спешил проспавшийся ошеломленный сторож, полагавший, что наверху прорвало трубу. В руках он зачем-то, словно копье, держал швабру. Женька, услышав приближающиеся шаги обдал прохладной субстанцией ничего не подозревающего школьного служителя и с силой насадил ему на голову ведро, полагая, что это кто-то из нас. Новоиспеченный гладиатор в рукотворном шлеме, изрыгая все известные матерные слова, от неожиданности осел и обмочился. На этом побоище окончилось.

Жуткий скандал сотрясал школу несколько дней. Рыцарей водного ордена обратили в рабство, заставив драить стены, полы, оборудование в течение четырех недель. Родители наперебой изощрались в видах домашних наказаний. Выиграла только наша дружба, которая за годы окрепла как дамаская сталь.

— Да, были времена! Я и сейчас с удовольствием побегал бы с ведром, — мечтательно протянул Женька, старательно выдыхая в сторону табачный дым: в свои сорок семь он курил тайком от жены. — Столько лет прошло, а кажется, что это было вчера. Наши оболтусы на такие подвиги не способны. Их жизнь проходит в телефонах. Слышал, на Варшавской семиклассник забил товарища до смерти сорок первым томом из собрания сочинений В.И.Ленина?

— Очевидно, в том фолианте больше всего глав, и он тяжелее? — уныло поинтересовался я. Женьке нравилось смаковать черные новости, а я их старательно избегал. — Или он решил записаться в тюремную библиотеку?

— Это была единственная книга в квартире! Понимаешь? — Женька назидательно ткнул в мою грудь указательным перстом. — И ее превратили в орудие убийства как какой-нибудь дурацкий кирпич! Вот, до чего мы дожили!

— Мой Витька точно из другого теста, — сменил я тему, поеживаясь от пронизывающего ветра с дождем. — В конце ноября приезжал на побывку из Рязани, так не поверишь: я испытал облегчение, когда он укатил обратно в свое училище. Мне с работы в казарму возвращаться не хотелось из-за пакостного ощущения, будто я не дослужил и не подарил Родине два лучших года молодости. Только жене не говори! — наказал я строго.

В школе у сына проявилась склонность к военному ремеслу, а после года армии он с успехом поступил в командное десантное училище. «Если на Земле останутся только двое, они найдут из-за чего воевать!» — этой фразой Марка Антония, знаменитого древнеримского полководца, он оправдывал свой выбор. Мы с женой не возражали. Судя по решимости отпрыска, и не смогли бы помешать при всем желании.

Мы с Женькой вернулись за столик, выдули по бокалу светлого. Как всегда, стало хорошо и тепло. Наконец, я поделился печальными известиями о Наденьке, не забыв упомянуть про злополучный фаянсовый шаттл, который все никак не мог долететь до помойки.

— Сколько раз я говорил: не води баб домой! Хочешь встречаться — есть гостиницы, бани, купе в спальных вагонах. Наконец-то, все закончилось! — радостно отреагировал на мою боль Женька, закусывая баварской колбаской.

— Во-первых, была только одна (остальных, что были до Наденьки, я давно забыл) а во-вторых, она не считала нас любовниками, поэтому нигде не хотела больше встречаться, — оправдывался я с горечью. — Но ты прав. Похоже, нас с Наденькой больше нет.

Тоска вдруг рухнула на меня как бетонная стена. Женька словно поставил точку в наших с Наденькой отношениях, и я только сейчас это осознал.

Мой лучший друг и сам не служил идеалом мужской верности. Ему нравилась офисная красотка, секретарша директора, Лера. Один раз она благосклонно ему улыбнулась за доставленные документы, и он решил, что симпатия взаимна. В одной из корпоративных поездок Женька не выдержал и постучал в гостиничный номер девушки. «Тебе чего?» — с недоумением прошептала Лера в приоткрытую щель. Женьку обдало коньячным муссоном, приправленным терпким ароматом мужского пота: Лера явно была не одна. Женьку обуяло замешательство. «Давай дружить, Лера», — более глупой фразы он не произносил с детства. «С женой дружи, Женя, с женой!» — шелкнул замок, и адюльтер разлетелся на осколки, не начавшись. С тех пор Женька больше не смотрел по сторонам, в отличие от меня, которого подобная отповедь лишь раззадорила бы.

— Мужика с унитазом оставь в покое, — продолжал поучать нетрезвый Женька. — Когда-нибудь он его донесет до свалки, да и какое тебе дело до него? Чем тебе он мешает? Ты и сам раньше такими шикарными фресками стены подъезда расписывал, Микеланджело бы позавидовал.

— Не строй из себя невинность, — парировал я, смеясь. — Ты к этому тоже руку приложил. Творил шедевры я медной гиришкой, которую ты в кабинете физики украл и вместо брелока для ключей таскал. Кстати, она где-то в шкафу валяется, я тебе ее на новый год подарю.

Домой я вернулся, как и всегда после дружеских посиделок, в приподнятом настроении. Четвертый этаж встретил ватерклозетом на прежнем месте у лестницы. В ярости влетел я в квартиру, нашел пистолет с жидкими гвоздями и приклеил фаянсовое чудовище к двери предполагаемого хозяина.

Следующим вечером с замиранием сердца поднимался я к лобному месту. Как куропатки от охотника разбегались по квартирам курящие в подъезде соседи. Страх внушительных штрафов их не останавливал. Унитаз упрямо занимал свое законное место, словно ничего не произошло. Я рассмотрел дверь: этот дурак оторвал изделие вместе с куском обивки. Он по-прежнему пытался избавиться от симптома, не собираясь искать причину заболевания.

Во мне бушевала досада. Я ринулся домой. Порывшись в шкафах и найдя искомое, я вернулся на место старого преступления, чтобы совершить новое.

— Твоя война за чистоту подъезда закончилась капитуляцией или разгромом, ты уж сам определись, — сказала, улыбаясь, жена за ужином. — Предмет ваших с соседом тайных разногласий на месте. Все тщетно. Может, легче до управляющей компании достучаться?

— Я не стукач, но не позволю превратить наш дом в сортир, — мрачно отозвался я. — Вот увидишь, он все поймет сам.

На следующее утро неожиданно грянули морозы, сменив на посту дожди, и улицы Петербурга превратились в каток. Дворники всюду пытались засолить дороги города как нутро свежесловленной семги, и к вечеру народ месил ногами гнусную кашу.

Я зашел в подъезд. Проклятый лифт привычно не подавал признаков жизни. Оставляя следы, добрал я до злополучного четвертого этажа. Что-то явно произошло, а любые изменения — к лучшему. Не сразу я осознал, что унитаз пропал. Даже желтый ореол исчез. Краем глаза я заметил возле знакомой квартиры копошащуюся тень.

— Представляете, как я измучился, — сосед, в махровом халате и разнокалиберных тапках, понуро тер стену. — Дверь мне испортили, а теперь вот, полюбуйтесь, — он вытянул руку с грязной тряпкой в сторону картины, которую я знал в мельчайших подробностях. — Нарисовали мне этот нецензурный дирижабль с крыльями! А ко мне сегодня дама придет! Ох, уж эти окаянные подростки! Поймаю, цеппелины отрублю!

Я для проформы сочувственно покачал головой, потом нарочито гневно проорал: «Вандалы!», и, сжимая в кармане медную гирьку как кастет, с воодушевлением зашагал вверх.

СИРОЖИНА СВАДЬБА

*Я надеялся на бифитекс, жаркое
и виски, а мне давали запеченный
чеснок и вино...*

Из фильма «Маска Красной смерти» 1989 года

— Заверните, пожалуйста, в праздничную упаковку! — попросила жена, выбрав в цветочном раю самый жирный и почти неподъемный букет из алых и белых роз и еще каких-то растений, названия которых ни один мужской индивидуум под пытками не скажет. Ибо не засоряет мозг лишней информацией.

В магазинчике, несмотря на ранний петербургский июль, было пафосно и чертовски холодно. Меня знобило еще и по другой причине. Мы только что прибыли из отпуска, и на семейном счету лениво ползали, как мореные тараканы, нули. Швейцария, где мы изволили отдохнуть (по инициативе благоверной), оказалась на редкость не бюджетной страной, а наши предполагаемые расходы сильно превысили смету. Конечно, все эти Люцерны, Берны, Женевы, Лозанны, Бьены, Мартиньи и прочие открыточные города стоили того, но убожество отелей, особенно в нашем пристанище в Монтрё, уничтожали нас морально каждый вечер. Господин Набоков, проживавший когда-то в нескольких сотнях метров от нашей гостиницы, вряд ли наблюдал из узеньких окошек полуподвального номера снующие туда-сюда ноги, и уж наверняка не просыпался от просачивающегося сквозь щели дореволюционных рам ночного дождя. В отличие от автора «Машеньки», нас, пожалуй, понял бы господин Камю со стартовыми позициями какого-нибудь электролизника водных растворов из Мончегорска, но тем ценнее его Нобелевская премия.

Ситуация с наличностью была швах, но поправимая через пару недель, и я не ожидал подвоха. Финансовые прогалы в нашей семье случались дважды в год: на восьмое марта (будь оно неладно), и в декабре, когда серийно, как автомобили с конвейера, выстреливали дни рождения: богу было угодно, чтобы моя жена, ее родня, мои друзья родились именно в этот снежный месяц. Заканчивалось все гильотиной для капитала, празднованием Нового года.

Аркаша Сирожин, мой славный коллега, усугубил мое положение, решив жениться в столь неурочный для меня час, когда из легких еще не выветрился сладкий воздух благоухающих после дождей швейцарских лугов и садов. Превозмогая боль от предстоящих незапланированных расходов, я, с показной радостью на подкопченном от высокогорного загара лице, принял отпечатанное на плотном, кремового цвета, картоне приглашение на двоих из рук жениха.

— И почему он во время нашего отпуска не женился? — удрученно вопрошал я дома, в который раз перечитывая «черную метку». — У нас отличный коллектив, Аркаша — лучший продавец из нас, но зачем он меня пригласил? Я ему не друг, Леха — тоже, а его он в свидетели взял. Видела бы ты Лехины глаза!

— Приглашением на свадьбу оказывают честь, отказываться нельзя, — укоряла жена, разбирая чемодан. — Это неприлично и грубо, поэтому мы пойдем обязательно. Подобные мероприятия сплачивают сильнее ваших корпоративных посиделок с пивом, сухариками и сушеными кальмарами, — я не мог не согласиться и подвести товарища по оружию тоже не мог.

В офисе Аркашу за глаза называли Сирожей, но беззлобно, а клиенты нередко ошибались в письмах и документах, упоминая его как Сергея. Такова нелегкая доля людей с образованными от имени фамилиями. И, если большинству такое положение вещей до фонаря, то Аркаша крайне щепетильно относился к ошибкам, громко возмущаясь очередным, изуро-

довавшим честное имя, пассажем. Мы, внутренне посмеиваясь, сокрушались вместе с Сирожей, эмпатия не была нам чужда. Еще Аркашу сильно раздражал факт, который никто не в силах изменить. Он не вышел ростом, но при своих ста шестидесяти девяти сантиметрах в прыжке, пытался доказать обратное экстравагантным способом: посреди рабочего дня вдруг подбегал ко мне или Лехе, баскетболисту в прошлом, с фразой: «Я ведь выше тебя, верно?». При этом он по-детски выпячивал дрожащие губы, что, казалось, разрыдается, если не сказать ему неправду.

Впрочем, он был весьма начитанным, много знал, интересно рассказывал, особенно, мне запомнилась история его недавней командировки в Амстердам. Помимо нашего завода и тамошнего головного офиса, вечером, он сводил клиентов (конечно, все ради них) в один из домов терпимости, и, естественно, сам совершил несколько удачных взятий постельных рубежей. Превосходство неутомимого альфа-самца было неоспоримо и с восхищением принято толпой слушателей в лице меня, Лехи и Димы. Счет за утети, но переделанный уважаемой организацией из квартала красных фонарей под посиделки в ресторане, оплатила компания, и Аркаша этим чрезвычайно гордился. Еще он привез оттуда к свадьбе костюм «Хуго Босс», и его будущая супруга знала только эту, немного скучную, но весьма практичную часть истории.

Аркаша с детства стремился быть первым, школу закончил с золотой медалью, а институт с красным дипломом. Только он ежегодно заключал рамочных договоров с клиентами больше, чем мы все. К любым переговорам и совещаниям он всегда был готов лучше остальных, а офисные женщины за сорок обожали Аркашу, особенно во время чайных посиделок. Ольга Степановна, наш босс по прозвищу Моника (я звал ее на французский манер: Моник, с ударением на последний слог), которая хронически боролась с подступающей старостью всеми доступными средствами, считала Сирожу непревзойденным менеджером, и передавала крупных клиентов в первую очередь ему. Аркаша отвечал растущей динамикой продаж и самыми крупными премиями. Мы и не мечтали дотянуться до его высот, искренне чтили его лидерство. К двадцати восьми у Аркаши было почти все: двухкомнатная квартира в высотке в Купчино, немецкий автомобиль, признание коллег.

Не только хватало жены и руководящей должности чтоб встать «над всею дрожащею тварью и над всем муравейником». Последнее было вопросом времени. Аркаша знал, как себя подать в любой компании, начитавшись американских книг по мотивации и прочим психологическим изыскам. Он патологически искал себя в мире, и нашел. Он запросто на несильно образованной публике мог выдать себя за кандидата в мастера спорта по баскетболу, щедро отсыпая в карманы слушателям термины, ключевые финалы и фамилии знаменитых игроков.

Не лишен он был и храбрости. Однажды, микроавтобус потревожил припаркованный во дворе Аркашин автомобиль. Виновник оказался порядочным человеком и оставил свои координаты для урегулирования инцидента. Нарисовавшись на пороге квартиры нарушителя, Аркаша не растерялся и, не принимая извинения оппонента, схватил здорового детину за грудки. Аркаша стоял за справедливость, а не за деньги и отговорки. Две недели левый глаз Аркаши светился аристократическим рубином в респектабельном темно-сизом, с горчичным отливом, ареоле на скуле.

В двенадцатом часу Сирожиных законно окольцевали в величавом дворце на Английской набережной. Петербургского народу, помимо нас, было не так много: Аркаша не нажил в Сумрачной Венеции гору друзей. Зато с избытком понаехала родня из Тюменской губернии, родины Сирожи, а со стороны невесты прибыли очень похожие друг на друга люди из Биробиджана. Красивая пара отчетливо выделялась на фоне провинциальной публики. Аркаша, маленький и плотный, похожий на Карлсона с крыши, блондин, в сером костюме из Амстердама, и худенькая, на полголовы выше жениха, в струящемся по стройному телу платье цвета топленого молока Майя. Ее сухонькие родители с многочисленным выводком братьев и сестер в разных коленах одухотворенно взирали на потерявших свободу голубков. Приняв положен-

ные поздравления, молодые со свидетелями и цветочными подношениями прыгнули в лимузин, чтобы несколько часов колесить по неисповедимым достопримечательностям летнего Петербурга. Мы выстроились в шеренгу у крыльца и бурно, до мурашек в ладонях, аплодировали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.